

Научная статья

УДК 82-32:81-11:81-42

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-101-111

Формирование когнитивных пространственных моделей в произведениях В. И. Даля («Картины из русского быта»)

Сергей Михайлович Шаврыгин

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Москва, Россия

svrg_55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

Аннотация

Рассматривается формирование пространственных представлений в сознании писателя и способы их репрезентации в художественном творчестве на примере биографии В. И. Даля и его цикла рассказов, очерков и сказок «Картины из русского быта». Используется методология «имагинальной географии», соединяющая методы когнитивной географии, психологии, языкознания, литературоведения. Одна из важнейших задач исследования – понять авторскую специфику моделирования пространства, оригинальные способы создания географических образов, интерпретации пространственных представлений в контексте литературного дискурса. Как показывает жанрово-когнитивный анализ цикла «Картины из русского быта», в частности рассказа «Осколок льду», репрезентация пространственных впечатлений осуществлялась чаще всего в сказочной жанровой форме, а интерпретировались они писателем в мифологическом, историческом, социально-психологическом и этнологическом аспектах.

Ключевые слова

когнитивная география, этнокультурный ландшафт, концепт, жанр, сюжет

Для цитирования

Шаврыгин С. М. Формирование когнитивных пространственных моделей в произведениях В. И. Даля («Картины из русского быта») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 101–111. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-101-111

Formation of Cognitive Spatial Models in the Artworks of V. I. Dahl (*Scenes from Russian Everyday Life*)

Sergej M. Shavrygin

Moscow Financial and Industrial University “Synergy”

Moscow, Russian Federation

svrg_55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

Abstract

Purpose. The article examines the processes of formation of spatial representations in the writer’s mind and ways of their representation in artistic creativity using the example of the biography of V. I. Dahl and his cycle of short stories, essays and fairy tales *Scenes from Russian Everyday Life*. The author uses the method of “imaginative geography” which is a combination of cognitive geography, psychology, linguistics, and literary studies methods.

Results. One of the most important tasks of the research is to understand the specifics of modeling space in the writer’s mind, his original ways of creating geographical images, interpreting spatial representations in the context of literary (genre, style) discourse. Due to life circumstances, Dahl often moved, changed his place of residence and ser-

© Шаврыгин С. М., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 101–111

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 101–111

vice, which influenced the structure of spatial thinking and modeling of the original spatial myth. Since the writer's figurative geographical representations directly nourished his work and became an important element of the compositional and narrative structure of texts, the cognitive geographical context is most clearly seen in collections of his stories written on the basis of direct observations and practice of life, in particular, such as *Scenes from Russian Everyday Life*. This is especially true for the plots and stories based on Dahl's trips to the Ural-Caspian region, Orenburg and the trans-Ural steppes.

Conclusion. As the genre-cognitive analysis of the cycle and, in particular, the story *Shard of Ice* shows spatial impressions were most often represented in genre form of a fable, and were interpreted by the writer in mythological, historical, socio-psychological and ethological aspects.

Keywords

cognitive geography, ethnocultural landscape, concept, genre, plot

For citation

Shavrygin S. M. Formation of Cognitive Spatial Models in the Artworks of V. I. Dahl (*Scenes from Russian Everyday Life*). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 101–111. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-101-111

В. И. Даль на протяжении своей жизни поменял множество географических мест как по своим служебным, так и по внеслужебным (научным, общественным, литературным) делам. Геокультурные точки перемещений Даля красноречивы сами по себе: Луганский Завод (Луганск), Санкт-Петербург, Рига, Ревель, Стокгольм, Копенгаген, Николаев, Дерпт, Балканы, Молдавия, Бухарест, Яссы, Умань, Каменец-Подольский, Оренбург, поселения уральских казаков, Гурьев, Южный Урал, зауральские степи, Хивинское ханство. Как никто другой, Даль был подготовлен к созданию географических образов, этнокультурных и пространственных моделей на основании огромного фактического материала, поиску способов и форм его словесной репрезентации.

Человек на протяжении своей жизни ментально осваивает окружающее пространство, создает собственные представления о нем, выделяет определенные «узлы», маркированные пространственные точки, которые помогают выстроить в сознании карту пространства, чтобы «разместить весь известный ему мир на ограниченном в размере полотне» [Шпак, 2021, с. 16], закрепить в памяти и сформировать геометрический образ мира.

Такой образ становится синтетичным, многомерным, не только несет в себе пространственные координаты и представления о размещении объектов, но главным образом рассматривает заполнение пространства объектами, явлениями в их взаимосвязи и хронологической, причинной взаимообусловленности, «пространственное заполнение и характер стран и местностей», охват «сразу всех царств природы и вместе с тем человека» [Геттнер, 1930, с. 115–116].

Хорологическая концепция (изучение различных частей земного пространства, различий в природе и культуре в разных местах земной поверхности [Там же, с. 113]) опирается на идею «районирования», т. е. «выделения, отграничения отдельных индивидуальных пространств, или районов» (выделено автором. – С. III.) [Замятин, 2003, с. 10], которая становится предметом изучения гуманитарной географии и является составной частью идеологии пространства. Выделение пространственных районов приводит к выявлению топологических систем и комплексов, которые можно трактовать как проявления общей культуры, духовной жизни, психологических процессов, обусловленных географической, пространственной причинностью, учитывая, что всегда «обнаруживается географическая обусловленность в формах культуры» [Геттнер, 1930, с. 244].

Механизм создания географического образа или фрейма (фрейм «является структурой данных для представления стереотипной ситуации» [Минский, 1979, с. 7]) можно описать как формирование специфической модели «условной географической реальности» [Замятин, 2003, с. 55]. Цепочка таких образов приводит к формированию автономной географической картины мира, а цепочка фреймов, различие между которыми зависит от различия позиции наблюдателя и от перемещения наблюдателя из одного места в другое, образует пространственно-географический сценарий.

Репрезентация этого сценария как совокупности пространственных представлений в сознании человека происходит в форме ментальных карт [Шенк, 2001, с. 4]. Понятие «ментальная карта» обозначает не только абстрактные способности психики человека собирать, упорядочивать, а главное, субъективно трансформировать представление об окружающем пространстве, но и «созданное человеком изображение части окружающего пространства... Она отражает мир так, как его себе представляет человек, и может не быть верной. Искажения действительно очень вероятны» [Downs, Stea, 1982, p. 23] (цит. по: [Шенк, 2001, с. 4]). Пространственные географические точки мыслятся как элементы ментальной карты, которые могут быть объяснены психологией и духовными ценностями наблюдателя [Шенк, 2001, с. 6]. В противовес гомогенности как неотъемлемому свойству естественного пространства [Кандрашина и др., 1989, с. 170] проявляется неоднородность ментальной карты, связанная с тем, что наблюдатель насыщает точки, узлы ментальной карты различными материальными объектами, между которыми возникают отношения, структурирующие пространство.

Биографический концепт *ПУТЕШЕСТВИЕ*, перемены пространственных координат и районов – неотъемлемое свойство судьбы и жизни В. И. Даля. Именно во время путешествий, перемещений формировались в сознании писателя решающие стереотипы восприятия и репрезентации пространства. «Географическое пространство – это результат процесса описания, осознания и осмысления земного пространства, т. е. его географизации» [Замятин, 2003, с. 80]. Выделяются четыре телеологические стратегии процесса осмысления пространства и их основные метафоры (концепты): преодоление (жизнь, биография), освоение (история, судьба), изучение (истина, наука), понимание (красота, эстетика, литература) [Шпак, 2021, с. 21]. Для Даля это детство, учеба, военная служба (освоение), служба при военном губернаторе Оренбурга (изучение), литературная деятельность конца 1830-х – 1860-е гг. (понимание).

Освоение окружающего мира и географического пространства начинается с момента рождения. Как известно, маленькие дети «довольно быстро овладевают окружающим их пространством. Спустя недолгое время после своего появления на свет они уже правильно ориентируются в нем...» [Кандрашина и др., 1989, с. 168]. Даль родился в городке Луганский Завод Екатеринославской губернии, первоначальные пространственные представления оформились в концепты *ЗЫБКА*, *КОЛЫБЕЛЬ*, *МОГИЛА*, *ДОМ* и *ДОМОВИНА*, связанные с семантикой рождения и смерти. Затем воспитывался в Петербургском Морском кадетском корпусе, замкнутый мир которого породил иные пространственные образы, противопоставляющие ограниченный мир училища и другой мир, за его стенами, наполненный приключениями и развлечениями: «огромная обеденная зала», «бесконечно длинные галереи», «чердак», «скамейка для розг», «каток на дворе»¹. Во время учебы в составе команды брига «Феникс» в 1817 г. Даль совершил плавание по маршруту Санкт-Петербург – Кронштадт – Рочесальм – Свеаборг – Рига – Ревель – Стокгольм – Карлскрона – Копенгаген – Санкт-Петербург. В пути он вел «дневной журнал» (дневник) [Фесенко, 1999], чрезвычайно расширивший географическую картину мира писателя, сформировавший в его сознании целый ряд важнейших геокультурных, образно-географических концептов, образов стран и местностей, впоследствии структура этих пространственных концептов будет использована в его собственном творчестве. По окончании корпуса был определен на службу в Николаев, а затем переведен в Кронштадт. После отставки в 1826 г. Даль уехал в Дерпт в университет, где учился в медицинском институте при университете и специализировался по хирургии.

В 1829 г. отправился на русско-турецкую войну в Молдавию, крепость Силистрия, на Балканы, участвовал в сражениях при Кулачеве, близ Шумлы, взятии городов Сливны, Андрианополь, бывал в Бухаресте, служил в Яссах, в Умани, Каменец-Подольске. В 1831 г. участвовал в польской кампании, в частности форсировал Вислу по построенному им мосту около города Казимеж (Краков). Война необыкновенно обогатила и усложнила географиче-

¹ См.: (Автобиографическая записка В. И. Даля, 1872).

ский пространственный мир писателя, оказала сильное концептуальное влияние на его сознание. Когнитивно-географический контекст существования Даля на войне породил новые культурные ландшафты, географические образы, осмысленные и репрезентированные затем в повестях и рассказах, основанных на воспоминаниях писателя об этом этапе жизни («Беглянка», «Цыганка», «Червоно-русские предания» и др.).

В 1832 г. Даль вернулся в Петербург, стал ординатором Санкт-Петербургского военного госпиталя, одновременно развернулась и его бурная литературная деятельность, с этих пор уже не прекращавшаяся.

С 1833 по 1841 г. Даль служил чиновником особых поручений при Оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском, и одновременно начался новый этап в формировании его пространственного сознания – изучение, освоение географических пространств, тем более что с одной стороны была Россия, Европа, а с другой – неизвестный еще в то время Восток, Оренбург же был главным пунктом общения с ханствами Средней Азии.

Именно в этот период Даль проявил основательные знания не только в географии, но и в картографии. В «Толковом словаре живого великорусского языка» он так определял географическую карту: «КАРТА ж. чертеж какой-либо части земли, моря, тверди небесной. *Карта географическая, топографическая* (частная и подробная), *морская* и пр. *Плоская морская карта*, которая начерчена, принимая поверхность земного шара за плоскость; *меркаторская*, на которой градусы широты и долготы увеличиваются постепенно к полюсу, для взаимной соразмерности на плоской бумаге» (Даль, 1979, т. 2, с. 93). Перу Даля принадлежит критический анализ карты местности, по которой проходили русские войска в Хивинском походе, составленной в Берлине немецким ученым картографом К. Циммерманом² [Матвиевская, 2002, с. 103].

В этой критической статье Даль, во-первых, рассуждая о различиях картографических проекций Г. Меркатора и Р. Бонна, демонстрирует свое отменное знание картографических проекций, полученное, вероятно, в Петербургском Морском кадетском корпусе: «Сочинитель избрал для карты своей проекцию Меркатора, как сам говорит, для того только, что ее легче, удобнее применить. Меркатора проекция удобна для карт морских, потому что развертывает поверхность земного шара в такую плоскость, по которой курс или ход корабля можно прокладывать прямою чертою, а это необходимое условие для всех морских карт. Но проекция эта искажает, как известно, все очерки, потому что переносит их с поверхности шара на поверхность цилиндра; каждая параллель или широта требует особого масштаба, и при общем взгляде на карту нельзя получить верного понятия о взаимных отношениях расстояний. Причины эти, кажется, могли бы побудить сочинителя карты избрать проекцию Бона или другую, употребительную в картах географических, тем более что карта степи содержит более градусов широты, чем долготы, и кроме того, принадлежит пространству, удаленному от экватора» (Даль, 1841, с. 36).

Во-вторых, Даль размышляет о методологии составления карт подобного пространства, «на котором глазу нашему нельзя опознаться по городам, селениям и местечкам, связанным взаимною сетью дорог и сообщений» (Даль, 1841, с. 33). Среди множества природных ориентиров (речек, ручьев, колодцев, ям, озер, солонцов, песков, возвышенностей и склонов, рожиц, деревьев, могил, курганов, развалин) необходимо выбрать самые необходимые астрономически определенные точки, ориентиры, дав им местные и постоянные названия, определив их точную широту и долготу. Только на подобных условиях можно составить правильную, образцовую, без ошибок и погрешностей карту.

Для этого необходимо знакомство с местной природой, жизнью, обычаями, языком, местными географическими названиями. Эти сведения помогут географическому анализу собранных сведений и геокультурной и естественноисторической интерпретации изображаемого пространства.

² См.: *Zimmermann Carl*. Entwurf des Kriegstheaters Russland's gegen Chiwa. Berlin, 1840.

Даль показал в этом критическом разборе глубокое понимание особенностей языка, быта, географических представлений тюркских народов, населявших зауральские и приаральские степи, использовал эти сведения в создании географических образов в произведениях 1840-х гг.

Все повести Даля основаны на его личных наблюдениях, и события происходят в странах и краях, хорошо ему известных, где он сам бывал. «“Все повести мои, если угодно взглянуть на них, происходят в краях и странах, мне коротко известных, где я бывал, жил и сам все видел. Я не умею писать полиция [портреты. – С. Ш.] на авось; вот почему и не могу слишком бойко и скоро писать или создавать новое. Турция породила *Кассандру* [здесь и далее курсив В. И. Даля. – С. Ш.]³ и *Болгарку*; Польша – *Подольянку*, Оренбург – *Мауляну*⁴ и *Майну*; Русские Губернии – *Вакха*, *Бедовика*; Малороссия – *Василия Граба*, Южная или Новая Россия – *Мичмана Поцелуева*”» (Переписка..., 1993, с. 317).

В рассказах и новеллах, собранных в издании «Картины из русского быта» (Даль, 1861), пространственные мотивы и сюжеты играют важную жанрово-идеологическую роль. Они неоднородны и делятся на несколько типов. Во-первых, условно-сказочные локусы («где-то, когда-то», «сторона-сторонка», «изба богатого мужика», «барский двор») репрезентируют новеллистические сказки-анекдоты в основном о разбойниках, ворах, хитрецах, супругах, обобщенно-сказочные нарративы и соответствующую этим жанрам идеологию. Во-вторых, локусы «чувашская деревня», «Золотоношский уезд» (Полтавская губерния), «граница Бессарабии», «город Коты» определяют другой жанрово-сюжетный тип: реалистические истории, в основе которых тем не менее лежит сказочный жанровый архетип, в основном те же новеллы-анекдоты о ворах, разбойниках, супругах. В-третьих, локусы «деревня убогого дворянина», «графская вотчина северная губерния» выявляют связь с литературными жанрами социально-бытового очерка. В-четвертых, локусы сна, видения, бреда относят подобные дискурсы к романтической фантастической традиции 1830-х гг. Наконец, в-пятых, это такие локусы, которые нанизываются друг на друга, сменяют друг друга, указывая на принадлежность данных нарративов к жанрово-дискурсивным традициям путешествий, травелогов, пленников: «земля турецкая», «русская деревня», «Новороссийский край», «Херсонская губерния» («Беглянка»), «Одесса», «немецкая колония Люстдорф», «селения Большой Фонтан», «Бурлацкая-Балка», «Лиман», «Польша», «отчий дом» (богатый), «Любартов Люблинского воеводства» («Цыганка»).

Особенно значимы центральноазиатские и уральские локусы и топосы в рассказе «Осколок льду», написанном, вероятно, в 1840-х гг., впервые опубликованном в 1856 г. в журнале А. С. Хомякова и А. И. Кошелева «Русская беседа», а в 1861 г. – в составе полного цикла «Картины из русского быта». Это история уральской казачки девочки Марьи Чернушкиной, похищенной «киргизами» (киргиз-кайсаками), проданной в плен бухарскому хану, испытавшей всю тяжесть жизни в плену, чудесным образом спасшейся, благополучно вернувшейся домой, в свою станицу, и нашедшей себе жениха. Все три рассказа («Беглянка», «Цыганка», «Осколок льду») объединяются дискурсом «степного пленника» [Созина, 2016]. В контексте «Картин из русского быта» эти рассказы, погруженные в единый дискурс, образуют структурно-семантическое единство и общий подход в репрезентации и интерпретации темы. Однако рассказ «Осколок льду» занимает особое место, поскольку географические образы этого рассказа не только отразили реально существующее географическое пространство, хорошо известное автору, но и составили образно-географический сценарий, во многом определяющий литературный дискурс произведения.

По поручению военного губернатора В. А. Перовского Даль постоянно участвовал в поездках по Оренбуржью, зауральским степям, Каспию, землям Хивинского и Бухарского ханств, в частности в Ново-Александровское укрепление на Каспии, в устройстве Новой пограничной линии от Орска до станицы Березниковской, неоднократно выезжал в степь к ка-

³ Героиня рассказа «Цыганка».

⁴ Героиня повести «Бикей и Мауляна».

захам до Орска, Тобола, готовясь к Аральской научной экспедиции, досконально изучал регион Аральского моря.

Эти поездки имели не только служебные, но и научные цели. Даль участвовал в разработке и реализации планов по изучению Оренбуржья и зауральских степей: исследование Аральского моря и его района, неизвестного к тому времени, изучение флоры, фауны и геологии (естественная история), организация Музея естественных произведений Оренбургского края. По итогам поездок Даль написал ряд работ, посвященных научным исследованиям природы, истории, этнографии этих мест. В научных занятиях Далю помогали увлечение биологией, знание природы, растительного и животного мира Южного Урала.

Первые же поручения военного губернатора способствовали восприятию и репрезентации пространства в форме еще простых ментальных карт. Так, в рапорте военному губернатору Даль отмечал: «Объехав по предложению Вашего превосходительства войско уральское и имев уже честь отдать Вам лично отчет о сей поездке, осмеливаюсь просить покорнейше, дабы следующие мне казенные прогонные деньги за проезд от Оренбурга через Уральск до Гурьева, обратно до крепости Калмыковой, от оной до орды Букеевской, обратно по Узеньям на Александров Гай... в Уральск и, наконец, степною дорогою через Илецкий Городок в Оренбург, всего за 2050 верст на три лошади, то есть 307 рублей и 60 копеек, – повелено было отколе следует мне выдать»⁵.

Даль прочерчивает пунктирно свой маршрут, выделяя важные, с его точки зрения, географические точки: Оренбург – Уральск – Гурьев – Калмыковская крепость (между Уральском и Гурьевом) – Букреевская орда (междуречье Урала и Волги) – Александров Гай (юг саратовских степей) – Илецкий Городок (село Илек на левом берегу Урала). Однако пока еще он не анализирует и не интерпретирует их с точки зрения истории, философии, этологии, лингвистики, как это будет в дальнейшем.

Даль активно участвовал в подготовке документов о задержании хивинских и бухарских купцов ради выкупа русских пленников. Писал годовые отчеты, в том числе в приложении списки возвратившихся из азиатского плена российских людей, похищенных и разными путями возвратившихся на родину.

Эту деятельность Даль считал едва ли не главной в своей службе. В письмах к сестре в Петербург отмечал: «Теперь я занимаюсь приведением в порядок сведений о Средней Азии, показаний русских пленников и пр.»⁶. Даль литературно обрабатывает и публикует рассказы бывших русских пленников, содержащих ценные сведения о недоступном в то время для иностранцев Хивинском ханстве.

За восемь лет службы Даль собрал огромный материал не только народных произведений, но и живых историй о быте и нравах уральских казаков, казахов, киргизов и других народностей края, опубликовал записки бывших пленников из Хивы и Бухары Фёдора Грушина, Андрея Никитина, Якова Зиновьева, урядника Попова, Тихона Рязанова, портупей-поручика Медяника. «В 1836 г. В. И. Даль сделал запись рассказа своего друга прапорщика И. В. Виткевича о его смелой поездке в Бухару, где он собрал много интересных сведений о Бухарском ханстве, его хозяйстве, системе управления, нравах и обычаях народа» [Матвиевская, 2021, с. 4].

«Записка, составленная по рассказам оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно» 1836 г., обработанная, а скорее написанная Далем, содержит многочисленные предметно-тематические переключки с текстом рассказа «Осколок льду»: описание самого пути, тяжелых путевых условий и плохого физического состояния людей, их болезней, передвижение на верблюдах с караванами купцов, природные и географические условия похода, препятствия на пути, еда и пропитание в целом, отношение местного населения к участникам, этнические группы населения (кайсаки, хивинцы, туркмены, каракалпаки), купцы-чумекейцы (казахский род), топонимические

⁵ Находится в ГАОО, ф. 6, оп. 15, л. 1, 7. См.: [Матвиевская, 2002, с. 34].

⁶ Цит. по: [Матвиевская, 2002, с. 53].

названия и описание аулов и поселений, через которые пролегал путь пленников, отношения к русским пленным, особенно описание Бухары, узких улочек, толкотни на и около базаров, крики многочисленных разносчиков еды и товаров, устройство ханского дворца и быт его семейства, общение с ханом, множество пленных русских (Записки..., 1983, с. 84–129).

В 1839 г. Даль участвовал в военном Хивинском походе, оставив впоследствии записки «Военное предприятие противу Хивы» (Чтения..., 1860, с. 147–166) и «Письма к друзьям из похода в Хиву» (Русский архив, 1867, с. 402–431). Поскольку Даль любил географическую точность, записки о походе предваряются подробным и точным описанием пути, который был «избран для похода этого <...> от Оренбурга вниз по Илеку, поперег через Сырт, отделяющий вершины реки этой от верховьев Эмбы, вниз по сей последней, до впадения в нее Аты-Яхши, там через солончаковую равнину к северо-западному заливу Аральского моря, Каратамаку и через Усть-Урт или плоскую возвышенность между Каспием и Аралом, придерживаясь западных берегов последняго. Всего от Оренбурга до Хивы, 1200 или 1300 верст. Путь до Бохары составляет, по одометру, 1500 верст» (Чтения..., 1860, с. 147–166).

В рассказе «Осколок льду» также структурируется географическая ментальная карта, отражающая особенности «конструирования пространства в сознании» автора [Шенк, 2001, с. 5]. Как и в записке «Военное предприятие противу Хивы», ментальная карта рассказа строится последовательно, линейно, географически предельно точно: Красногорская крепость на Оренбургской линии, переправа вброд через Урал, 70 верст по степи, крутой овраг, в котором «киргизцы» с Машей остановились на отдых; через неделю пути аул, «кочевавший на песчаном кара-куме, по близости реки Сыра» (Даль, 1861, с. 187); через несколько недель подошли чумекейцы⁷ с караваном в Бохару⁸, большая река, безводная степь, Бохара-и-Шериф (основной локус – ханский дворец, кроме того улица перед ханским двором), затем на обратном пути станица Орская, станица Красногорская, пространство от села Неженки до Орска, станица Каменная.

Как видно, Даль скрупулезно описывает путь казачки Марьи Чернушкиной, увезенной ворами-«киргизцами» из родной станицы далеко от родины, в чужую сторону, в «басурманскую столицу». Согласно своим правилам, автор не только указывает конкретные географические точки (станицы, аулы, города), помогающие читателю представить географическое пространство сюжета, но и природные ориентиры (овраги, реки, кара-кумы, т. е. пески), без которых невозможно, по его убеждению, составить безошибочную карту этих, тогда еще плохо изученных мест (Даль, 1841, с. 36).

На первый взгляд автор репрезентирует исторический тип описания, нарратива, соотносящего образы пространства и образы времени, придающие пространству статус реального. Однако реальность этого пространства оказывается иллюзией. Перед читателем предстает ментальное конструирование пространства, образно-географическое картографирование (термин Д. Н. Замятина), воспроизводящее нарративные модели архетипического сказочного сознания, описанного в формуле В. Я. Проппа (похищение и возвращение домой через прохождение пространственных, а значит, социальных препятствий). Основная нарративная стратегия также сказочная, заключающаяся в создании абдуктивно-реверсивного сюжета, основой которого является событие «похищения – возвращения». Решая эту задачу, Даль использует установившиеся языковые и нарративные сказочные формы. Станица Красногорская, поле, буренушка, отец и мать – это дом; река Урал – граница между двумя противоположными мирами; аул, Бухара, ханский двор – тот потусторонний, волшебный, враждебный мир, поглотивший героиню, кажется, навсегда, из которого нет выхода. При этом есть и «волшебные» предметы, и «волшебные» помощники, антагонист, с которым борется героиня, выполняя его условие освобождения.

Одновременно в рассказе репрезентируется мифопоэтическое сознание (преодоление враждебного пространства и достижение конечной точки пути, преодоление препятствия как

⁷ Наименование казахского рода повторяется, сравни «Записку» Виткевича (Записки..., 1983).

⁸ Написание В. И. Даля в соответствии с традицией XIX в.

часть инициации вступления во взрослую полноценную жизнь, прохождение пути как лабиринта, аллегория жизни как тернистого пути), воплощенное в противопоставлении мира, жизненного уклада казачьей станицы и ханского двора, Бухары.

Рассказывая о жизни Марьи Чернушкиной в киргиз-кайсацком ауле, о покупке-продаже русской девушки-марджи (пленницы) бухарскими купцами, о пребывании героини в ханском дворце, ее занятиях, отношениях с прислугой и приближенными хана, Даль делает акцент на изображении экзотических мест и народностей, довольно подробно выписывает приметы и особенности этнического быта, характеризует экзотические локусы (аул, Бухара, киргизы, ханский дворец). В целом автор создает необычные, непривычные читателю географические образы, тем самым знакомя читателя с экзотическим миром, стремясь способствовать тому, чтобы сознание читателя усваивало знания о нем [Schmidt, 2015].

С точки зрения акторно-сетевой теории (ANT) – пространство как система отношений между объектами, устанавливающими «функциональные связи», где объекты «представляют собой пересечения характеристик неизменности формы в разных топологиях» [Ло, 2006, с. 231] – и «создается (сетевой) объект, создается также и весь (сетевой) мир, с его собственной пространственностью, собственным определением гомеоморфизма и непрерывности формы» [Там же, с. 232]. Географическое пространство, репрезентированное в рассказе Даля, может быть представлено как сеть, пока «объект остается объектом» и «пока отношения между ним и связанными с ним объектами устойчивы и все сохраняется на своих местах» [Там же, с. 227]. Как показывает дискурс, основным географическим объектом оказывается столица, Бухара. Многочисленные отношения связывают ее с другими объектами, более близкими и более далекими. При этом отдаленность связей прямо влияет на изменение семантики образов, вплоть до противоположной. От конкретного пространственного образа (локуса) «ханского двора» читатель переходит к восприятию и истолкованию образов придворной жизни, сначала эмира, его приближенных, улемов, затем русских пленников (стряпухи, пушкаря), таджика, жителей Бухары, купцов, купивших Марью в ауле, жителей аула, похитителей-киргизов, станичников, жениха Марьи Чернушкиной. Эти множества объектов тесно взаимосвязаны, по мере удаления от центрального объекта усиливается семантика различия между ними, а крайние объекты (Бухара и казачья станица) оказываются противоположными.

В связи с этим необходимо уточнить, что семантика объектов порождается этологической сферой, нравоописательным дискурсом. Поэтому все географические объекты (образы), так или иначе функционирующие в этой сети, приобретают нравственно-психологический, религиозно-бытовой смысл. В эпизоде пребывания Маши в киргиз-кайсацком ауле автор акцентирует внимание на нравах населения, проявляющего к пленной русской женщине сложные чувства любопытства и одновременно оценку ее стоимости как рабыни, ласковость и одновременно злобу, заботливость и желание нагрузить ее черной неблагодарной работой. Пожалуй, этот скрытый или явный этологизм и становится семантической доминантой географических образов рассказа.

Имажинальная география помогает понять «особенности и закономерности формирования географических образов, их структуры, специфику моделирования, способы и типы репрезентации и интерпретации» [Замятин, 2010, с. 27]. В произведениях Даля формируется особое концептуальное поле географических образов, позволяющее интерпретировать не только «поэтику пространства», но и в целом специфику литературного дискурса. Весь энциклопедический географический материал рассказов «Картины из русского быта» выстроен в определенной жанрово-стилистической перспективе нравоописательности. Изначальная жанровая коллизия дискурса «русского пленника» ломается и перерастает из любовного в цивилизационный конфликт православной и мусульманской культур. При этом ценностное поле культурно-географических образов не становится предельно антиномичным, утверждается равноправие, равноценность социальных, культурных и религиозных основ различных национальных миров и жизнеустроительных систем.

Список литературы

- Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы / Под ред. Н. Баранского. Л.; М.: Гос. изд-во, 1930. 416 с.
- Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
- Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 3. С. 26–50.
- Кандрашина Е. Ю., Литвинцева Л. В., Поспелов Д. А. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах / Под ред. Д. А. Поспелова. М.: Наука, 1989. 326 с.
- Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей: Сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. М.: ИД «Территория будущего», 2006. С. 223–243. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»)
- Матвиевская Г. П. Даль в оренбургском востоковедении // Гостиный дворъ. 2021. № 3. URL: https://www.zhurmir.ru/sites/zhurmir/files/pdf/gd_2021-19_-_324.pdf (дата обращения 24.07.2024).
- Матвиевская Г. П., Зубов И. К. Владимир Иванович Даль, 1801–1872 / Отв. ред. Э. Н. Мирзоян. М.: Наука, 2002. 221 с.
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
- Созина Е. К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 6–15.
- Фесенко Ю. П. Проза В. И. Даля. Творческая эволюция. Луганск; СПб.: Альма матер, 1999. 261 с.
- Шенк Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. 2001. № 4. С. 4–17.
- Шпак Г. В. Изобретая пространство. Россия и Англия XVI–XIX вв. в путешествиях, травелогах, картах: Монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 247 с.
- Downs R. M., Stea D. Cognitive Karten. Die Welt in unseren Köpfen. N. Y.: Harper & Row, 1982. 392 p.
- Schmidt V. Inventing Exoticism: Geography, Globalism, and Europe's Early Modern World. Philadelphia: Uni. of Pennsylvania Press, 2015. 448 p.

Список источников

- Автобиографическая записка В. И. Даля // Русский архив. 1872. Год 10-й. Вып. 11. С. 2246–2250.
- Даль В. И. О карте зауральских степей, изданной в Берлине // Отечественные записки. 1841. Т. 19, № 11–12. С. 33–48.
- Даль В. И. Картины из русского быта. СПб.: Изд. книгопродавца и типографа М. О. Вольфа, 1861.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1978–1980.
- Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича) / Отв. ред. Н. А. Халфин. М.: ГРВЛ изд-ва «Наука», 1983. 149 с.
- Русский архив. М.: Тип. В. Грачева и К, 1867. Вып. 3. С. 402–431.
- Переписка В. И. Даля и М. П. Погодина. Ч. 1 // Лица: Биографический альманах / Ред.-сост. А. А. Ильин-Томич. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1993. С. 287–388.
- Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1860. Кн. 1. С. 147–166.

References

- Gettner A.** Geografiya. Ee istoriya, sushchnost' i metody [Geography. Its history, essence and methods]. Ed. by N. Baranskaya. Leningrad, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930, 416 p. (in Russ.)
- Downs R. M., Stea D.** Kognitivnye Karten. Die Welt in unseren Köpfen. New York, Harper & Row, 1982, 392 p.
- Fesenko Yu. P.** Proza V. I. Dalya. Tvorcheskaya evolyutsiya [V. I. Dahl's prose. Creative evolution]. Lugansk, St. Petersburg, Alma mater Publ., 1999, 261 p. (in Russ.)
- Kandrashina E. Yu., Litvintseva L. V., Pospelov D. A.** Predstavlenie znaniy o vremeni i prostranstve v intellektualnykh sistemakh [Representation of knowledge about time and space in intelligent systems]. Ed. by D. A. Pospelov. Moscow, Nauka, 1989, 326 p. (in Russ.)
- Lo D.** Objects and spaces. In: Sotsiologiya veshchei [The Sociology of Things]. Ed. by V. Vahshtain. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006, pp. 223–243. (in Russ.) (Seriya "Universitetskaya biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo")
- Matvievskaya G. P.** Dal' v orenburgskom vostokovedenii [Dahl in Orenburg Oriental studies] *Gostinyi dvor*, 2021, no. 3. (in Russ.) URL: https://www.zhurmira.ru/sites/zhurmira/files/pdf/gd_2021-19_-_324.pdf (accessed 24.07.2024).
- Matvievskaya G. P., Zubov I. K.** Vladimir Ivanovich Dahl, 1801–1872. Ed. by E. N. Mirzoyan. Moscow, Nauka, 2002, 221 p. (in Russ.)
- Minsky M.** Freimye dlya predstavleniya znaniy [A framework for representing knowledge]. Moscow, Energiya Publ., 1979, 152 p. (in Russ.)
- Sozina E. K.** Diskurs "stepnykh plennikov" v russkoi literature XIX veka [The discourse of the "Steppe captive" in the Russian literature of the 19th century]. *Uralskii istoricheskii vestnik [Ural Historical Herald]*, 2016, no. 1 (50), pp. 6–15. (in Russ.)
- Shenk F. B.** Mental'nye karty: konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva v Evrope [Mental maps: the construction of geographical space in Europe]. *Politicheskaya nauka [Political Science]*, 2001, no. 4, pp. 4–17. (in Russ.)
- Shpak G. V.** Izobretaya prostranstvo. Rossiya i Angliya XVI–XIX vv. v puteshestviyakh, travelogakh, kartakh [Inventing space. Russia and England of the XVI–XIX centuries in travel, travelogues, maps]. Monograph. Ekaterinburg, Ural State Uni. Press, 2021, 247 p. (in Russ.)
- Schmidt B.** Inventing Exoticism: Geography, Globalism, and Europe's Early Modern World. Philadelphia, Uni. of Pennsylvania Press, 2015, 448 p.
- Zamyatin D. N.** Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov [Humanitarian geography: The space and language of geographical images]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2003, 331 p. (in Russ.)
- Zamyatin D. N.** Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeistvie sovremennykh gumanitarnykh nauk [Humanitarian Geography: Space, Imagination and the interaction of modern Humanities]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, 2010, vol. 9, no. 3, pp. 26–50. (in Russ.)

List of Sources

- Avtobiograficheskaya zapiska V. I. Dalya [An autobiographical note of V. I. Dahl]. *Russkii arkhiv [Russian archive]*, 1872, year 10, vol. 11, pp. 2246–2250. (in Russ.)
- Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1860, vol. 1, pp. 147–166. (in Russ.)
- Dahl V. I.** O karte zaural'skikh stepei, izdannoi v Berline [On the map of the Trans-Ural steppes published in Berlin]. *Otechestvennye zapiski*, 1841, vol. 19, no. 11–12, pp. 33–48. (in Russ.)

- Dahl V. I.** Kartiny iz russkogo byta [Scenes from Russian everyday life]. St. Petersburg, Izdanie knigoprodavtsa i tipografa M. O. Volfa, 1861. (in Russ.)
- Dahl V. I.** Tolkovyĭ slovar zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vols. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1978–1980. (in Russ.)
- Perepiska V. I. Dallya i M. P. Pogodina. Ch. 1 [Correspondence between V. I. Dahl and M. P. Pogodin. Pt. 1]. In: Litsa: Biograficheskii almanakh. Comp. A. A. Iliin-Tomich. Moscow; St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1993, pp. 287–388. (in Russ.)
- Russkii arkhiv [Russian archive]. Moscow, Tipografiya V. Gracheva i K, 1867, vol. 3. pp. 402–431. (in Russ.)
- Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P. I. Demezona i I. V. Vitkevicha) [Notes on the Bukhara Khanate (Reports by P. I. Demezón and I. V. Vitkevich)]. Ed. by N. A. Khalfin. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, Nauka Publ, 1983, 149 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Сергей Михайлович Шаврыгин, доктор филологических наук
SPIN 5293-9196

Information about the Author

Sergej M. Shavrygin, Doctor of Sciences (Philology)
SPIN 5293-9196

*Статья поступила в редакцию 11.08.2024;
одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 23.08.2024
The article was submitted on 11.08.2024;
approved after reviewing on 20.08.2024; accepted for publication on 23.08.2024*